

УДК 94(47).083

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И УХАЖИВАНИЕ ЗА НЕВЕСТОЙ*

И.Т. ШАТОХИН¹
С.Б. ШАТОХИНА²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹ e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru

² e-mail: Shatohina@bsu.edu.ru

Особенности освещения в мемуарах частной и интимной жизни мемуаристов. Первая любовь и ухаживание за невестой в жизни чиновников второй половины XIX – начала XX века. Мужской взгляд на свадьбу и изменение своего семейного статуса.

Ключевые слова: частная жизнь, чиновничество, мемуары, гендер, невеста, свадьба.

Частная жизнь российских чиновников не всегда находила отражение на страницах их воспоминаний. В тех же случаях, когда они находили возможным повествовать о семье, детях, родственниках, степень детализации и искренности часто оставляла желать лучшего. Особенной закрытостью отмечены темы, связанные с первой любовью, ухаживанием за невестой, женитьбой. Тем не менее, в постоянно пополняющемся комплексе опубликованных воспоминаний можно найти ряд интересных произведений, авторы которых решились рассказать читателям о своих переживаниях, связанных с первой любовью. Однако эти сюжеты крайне редко становились предметом специального исследования¹. В ряде работ историков исследовались условия и обстоятельства создания семьи чиновниками: правовые нормы и практики, мотивация выбора невесты, особенности свадебного обряда и т.п.² Авторы лишь изредка приводили примеры из мемуарной литературы для иллюстрации рассматриваемых ими институциональных проблем создания семьи в дворянско-чиновничьей среде.

Описание событий, связанных с первой любовью авторов, с их ухаживанием за невестами – будущими женами – редкое явление в мемуарах чиновников. Не каждый мемуарист даже на закате жизни решался по этическим соображениям раскрывать подробности, факты и обстоятельства, связанные с жизнью других людей. Поэтому в текстах не всегда присутствуют имена молодых дам, ставших предметом увлечения авторов воспоминаний. Нередко эти имена скрыты за инициалами, особенно если любовь автора не была взаимной. Были и другие щепетильные обстоятельства, когда, например, молодой человек с тяжелым сердцем принимал решение оставить предмет своего внимания в покое и даже, на время покинуть город. Например, молодой чиновник Переселенческого управления Министерства земледелия А.А. Татищев выбрал именно такой способ, чтобы прервать отношения с дамой, за которой он активно ухаживал несколько месяцев: «конец этой зимы (1907-1908 гг. – Ш.И., Ш.С.) оставил во мне довольно тягостное по себе воспоминание. Мое увлечение К.Ш. очень сердило Мама, которая желала для меня другого человека, и из её слов я понял, этого недоброжелательства не устранить, и не считал себя

* Работа выполнена при поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы", Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Например, Александрова Н.В. Любовь и дружба в русской дворянской культуре рубежа XVIII-XIX вв. (по источникам мемуарного характера) // Вестник Челябинского университета. Серия «История». 1999. № 2. С. 54-67; Пушкарева Н.Л. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 180-206; Шатохина С.Б. Невесты и жены в воспоминаниях российских чиновников рубежа XIX – XX веков // Вестник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т.Г.Шевченка. Вып.87. Серія: історичні науки. 2011. №8. С.157-162.

² Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX начало XX в.). СПб., 2009; Бодрова Ю.В. Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Любина Т.И. Браки и разводы в провинциальной чиновничьей среде второй половины XIX – начала XX в. // Род и семья в контексте тверской истории: сб. науч. ст. Тверь, 2005. Вып. 1. С. 228-238.

почему-то вправе подвергать любимого мною человека оскорбительному недоброежелательству моей матери. Вместе с тем я не был и вполне уверен в ответственности чувства с другой стороны. Все это меня очень мучило, и тем не менее я старался каждый день видеться и даже, помню, раз ушел со службы, чтобы пойти кататься на лыжах на острова. Все это разрешилось на масленице каким-то паратифом, уложившим меня в постель и, несмотря на кратковременность (помнится около 10 дней), страшно меня ослабившим, так что я уехал в Беллицы отдыхать. ... В итоге во мне сложилось твердое намерение переменить обстановку и на время уехать из Петербурга. Обстоятельства мне благоприятствовали. Переселенческое управление организовало летом 1908 года ряд экспедиций по обследованию незаселенных пространств Азиатской России, и я решил... просить назначения в состав одной из экспедиций»³.

Приведенный фрагмент из воспоминаний А.А. Татищева, на наш взгляд, можно рассматривать как определенный индикатор изменения стереотипов поведения поколения молодых людей начала XX века в стандартной ситуации «ухаживание – женитьба». Разрушение патриархальных традиций в семье, связанные с общей модернизацией общественных отношений, коснулось и поведенческих стереотипов в системном треугольнике «родители (мать и (или) отец) – сын (дочь) – невеста сына (жених дочери)». Из выше приведенной цитаты следует, что А.А. Татищев принял решение о прекращении отношений со своей невестой не по тому, что его кандидатура в спутницы жизни не получила одобрение со стороны его матери, а скорее по комплексу причин. Доминирующей причиной, как нам представляется, было то, что он не хотел создавать сложности для любимой дамы и подвергать ее «оскорбительному недоброежелательству» его матери. Акцент автором сделан именно на нежелание создать психологически сложную атмосферу для своей невесты, если она станет его женой. А вот то, что эта же атмосфера будет создана и для его матери, он не пишет, хотя, конечно же, подразумевает это. Не решается настаивать на своем выборе автор еще и потому, что сам окажется между двумя дорогами и любимыми для себя людьми, в ситуации постоянного сглаживания противоречий и конфликтов.

Типичный пример первой юношеской любви, хлопот и переживаний с этим связанным, можно найти в мемуарах князя В.А. Друцкого-Соколинского. Завершая обучения в Училище правоведения, он мечтал стать одним из первых на выпуске и получить золотую медаль. Однако этому не суждено было сбыться: «Уже в октябре нам приходилось сдавать более 600 страниц уголовного права и потому работы было достаточно. Сдал я эти репетиции хорошо и по всем предметам – уголовному, гражданскому и римскому праву – получил по двенадцати. Уже товарищи и Соболевский указывали на меня как на одного из будущих медалистов, как вдруг одно обстоятельство выбило меня совершенно из колеи, отняло всякое желание заниматься, низведя меня на декабрьских репетициях до средней категории воспитанников. Я влюбился. В то время среди подростков – барышень была графиня Надежда Сергеевна Толстая, маленькая веселая толстушка, хорошенькая, неглупая, и вот в эту Наденьку я влюбился. Хлопот образовалось много: надо было вовремя попасть на Мойку, 16, исхитриться остаться там обедать, чтобы дольше побыть со своим «предметом», выйти в определенный час на набережную, чтобы ее встретить, попасть на танцевальное утро к таким-то и т.д. Голова моя занята была Наденькой, но не уголовным правом, и потому в декабре Таганцев поставил мне 10, Grimm – 9, и все мои мечты о золотой медали были таким образом похоронены. С этого момента мои занятия приняли иную форму: я работал, но без энтузиазма и особой усидчивости, ибо медаль как цель была утеряна. Поэтому перешел я в I класс во втором десятке, а окончил училище вторым после медальеров, иначе сказать девятым, ибо медалей золотых и серебряных у нас было всего семь. Так тонут маленькие дети!.. Кстати сказать, роман мой никаких последствий не имел, и, уже, будучи штатским, я весьма равнодушно присутствовал на свадьбе Наденьки, вышедшей замуж за гвардейского улана А.П. Коцебу»⁴.

Истрию первой любви и горького разочарования поведал еще один мемуарист – видный сановник в Министерстве Императорского двора В.С. Кривенко. Будучи 15-летним кадетом в Полтаве, он стал бывать в доме состоятельного семейства Жданови-

³ Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906-1921). М., 2001. С. 53.

⁴ Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880-1914 гг.) / Сост. ред. А.В. Воробьев. Орел, 1996. С. 137-138.

чей. С первого своего визита он легко подружился с их единственной дочерью. «Лиза заметила нас из окна и встретила в передней. Из соседней комнаты слышались звуки вальса. Еле я успел снять пальто и неловко, конфузясь, поклониться девушке, как она подхватила меня и заставила влететь в гостиную вальсом. Розовенькое, смеющееся личико, черные глаза и вообще вся хорошенькая фигурка сразу произвели на меня, затворника, одуряющее впечатление. Я, ни за что не соглашавшийся на корпусном вечере войти в танцевальную залу, удивлялся, как это так свободно танцую с барышней. Меня оставили обедать, и я вернулся в корпус в восторженном состоянии. Старик Жданович пригласил меня бывать у них, и я этим воспользовался, явившись на следующее воскресенье. Плутовка Лиза подметила мое к ней равнодушие и слегка кокетничала со мной; правда я был единственным кавалером»⁵.

Зарождению светлого чувства у подростка способствовал не только возраст, но и то, что он, обучаясь в закрытом военизированном учебном заведении, не имел опыта общения с девушками, поэтому первая же симпатичная сверстница с легкостью завладела его сердцем. Для юной девушки, которую родители специально привезли на зиму в город, чтобы вывозить в свет, сверстник-кадет был кавалером, приятным собеседником и танцором, а танцевать она любила. «Прошел месяц. Лиза делала мне глазки, позволяла целовать кончики розовых пальчиков и вздыхать, вздыхать!.. Я был на седьмом небе и мечтал, что такое блаженное состояние продолжится вечно. Приближался Николин день, который знаменовался всегда большим балом в институте, куда приглашалось самое избранное местное дамское общество, а для танцев – кадеты. Я раньше никогда не был на этом балу, не слышал многое от моего товарища, сына директрисы, и рассказывал Лидии о предстоящем веселом торжестве. Она захотела во что бы то не стало попасть туда и пристала с этим и к матери, и к отцу. Мне лично не очень улыбалась перспектива ее выезда. Как бы хорошо, думалось мне, не нарушать заведенного порядка и быть подальше от других, от усатых кавалеров, от возможных соперников. Ждановичи не знали никого из институтской администрации и, следовательно, попасть на бал было нельзя. Лиза страшно огорчилась и, вбежав в свою беленькую комнатку, бросилась на диван, уткнулась в подушку и горько расплакалась. Мне стало невыразимо жаль это маленькое, хорошенькое создание, и я решил утешить ее. – Лиза, не плачьте. Вы будете танцевать на балу, я вам это устрою. Клянусь!»⁶

Влюбленный кадет выполнил клятву и организовал приглашение Лизы на бал. Однако его опасения сбылись: Лиза без сожаления в течение первого же танца променяла его на первого попавшегося «усатого кавалера», вмиг разбив любящее сердце и возвышенные мечтания В.С. Кривенко. «Перед кадрилию я встретился в коридоре с сияющей Лидой; она была в белом платье убранном цветами. Не знаю как другим, но мне она показалась положительной красавицей и недостижимой. Первая кадрилию заранее была мне обещана. Послышался ритурнель. Лида оперлась на мою руку, и я, не слыша под собою ног, горделиво вошел в залу. Визави мой, однако, не явился; видимо, он струсил и забился в одну из классных комнат. Меня это несколько не огорчило, и я с удовольствием променял бы кадрилию на беседу *tete a tete* в коридоре; но моя дама была не того мнения и приказывала мне разыскать визави. Фон Драншем, стоявший недалеко и присматривавшийся к Лиде, услышал, в чем дело, приказал мне представить его ей и предложил свои услуги в качестве визави. По мере того, как одна фигура сменялась другою, я чувствовал, что Лида уходит от меня все дальше и дальше... Она не спускала глаз с ловкого конноартиллериста, который, позванивая шпорами, молодецкато проделывал балансе и шены. На моих глазах, в течение четверти часа деревенская беззаботная барышня без боя сдалась и впорхнула в клетку на всю жизнь. Ревность клокотала в моей груди, а поручик торжествовал, и я слышал, как ему обещали и вторую кадрилию, и мазурку. Какая неблагодарность! Я же ее сам сюда пригласил, и теперь казнь»⁷. Несмотря на то, что В.С. Кривенко писал воспоминания на склоне лет, выше приведенные цитаты свидетельствуют, что первая любовь оставила в его душе глубокий и противоречивый след. Неж-

⁵ Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 88.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 91.

ность и искренность этого чувства, смешанные с горечью и обидой от предательства дорогого и милого создания, не стерлись за долгие годы в его памяти и сердце.

Пожалуй, наиболее подробно развитие отношений от первой встречи со своей избранницей до свадьбы описал в своих мемуарах М.М. Осоргин. Несомненный интерес представляет тот фрагмент воспоминаний, где автор рассказывает о зарождении чувства и признании его местным обществом женихом конкретной девушки. «12-го июня (1886 года – Ш.И., Ш.С.), в день рождения Мама, приехали к нам ее поздравить обе княжны Трубецкие с братьями. Приехали они пароходом, я их встретил в линейке и прямо отвез в церковь. Помню, как подъезжая, на паперти увидел трех нищих, которых по обычаю в этот день собирали, чтобы дать по церковному преданию три милостыни – в память Петра, Онуфрия и Арсения. Мама очень строго придерживалась этого обычая, и я сам этих нищих щедро одарил. В голове еще у меня ничего не созрело, но рад я был очень увидеть княжну Елизавету Николаевну. Много мы с ней гуляли вместе с остальными, но всегда рядом, по саду; помню, как на Мариинской аллее она мне в подробности с большим волнением рассказывала смерть своей тетушки Марии Алексеевны Лопухиной. Там же у нас зашел разговор о романе *Julie de Friscoeur*, и мне в первый раз в жизни совершенно легко говорилось и я чувствовал себя вполне свободно. В ней я не чувствовал ни насмешки, как в младшей ее сестре, ни натянутости, и вот в этот раз осознал, что по отношению именно к ней у меня что-то большее, чем простой интерес. Когда они уехали, стало мне очень грустно, и я был рад перспективе их вновь увидеть, так как с Варей (сестра автора – Ш.И., Ш.С.) были приглашены принять участие у них в спектакле, устраиваемом 23-го июня по случаю именин их *grande tante*, княжны Аграфены Александровны Оболенской. Тетушка эта не приехала в Калугу, а спектакль все-таки был устроен; для всех он был очень веселый, а для меня и очень счастливый, так как после него я стал женихом»⁸.

Другие авторы или вовсе не пишут в своих мемуарах о романтическом периоде ухаживания за своими будущими женами, или упоминают об этом вскользь. Например, А.Н. Трубников, судя по его воспоминаниям, в 1880 году после возвращения с русско-турецкой войны больше всего волновало расставание с боевыми товарищами по Уланскому полку и получение выгодной должности, чем романтика складывания отношений с невестой: «Несмотря на такое лестное предложение, я очень горячо поблагодарил Л.С. Макова и все-таки отложил свой выход из полка, так как грустно было оставлять полк и навсегда расставаться с товарищами. А время шло, и мне предстояло жениться, и оставаться в полку было немислимо, а, тем более, мне представлялось такое хорошее назначение, как чиновником особых поручений при министре внутренних дел. Поэтому я в 1880 г. в лагерь не пошел, а жил в Петербурге, навещая свою невесту, подав прошение о переводе меня в гражданское ведомство»⁹.

Генерал П.Г. Курлов, например, мог бы поведать своим читателям о романтической истории своей первой женитьбы, когда он увез чужую невесту в день свадьбы из дома жениха. Об этом долго судачила Кострома, поэтому эта история не могла не попасть на страницы воспоминаний князя В.А. Друцкого-Соколинского, служившего в 1907-1913 годах здесь в губернском правлении. «Помню, что одним из первых был наш визит к Чумаковым, миллионерам, фабрикантам махорки и владельцам огромной фабрики в самом городе Костроме. Чумаковых было два брата – Иван и Михаил Михайовичи. Иван был холост. Михаил – женат и обоим было уже тогда за 50. В свое время Иван собрался жениться, и дело дошло уже до дня свадьбы, однако поистине: «не кажи гоп, пока не перескочишь», как говорят хохлы, ибо пока жених одевался, чтобы ехать в церковь, к воротам чумаковского дома подъехала лихая тройка, красивый товарищ прокурора местного окружного суда выскочил из коляски, из окна невестинной комнаты дан был условный сигнал, приятели товарища прокурора вынесли по черной лестнице чемоданы, он сам ухватил свою Дульсинею и, пользуясь темнотой, умчал ее навстречу лучезарному счастью, ярким светом озарявшему предприимчивого товарища прокурора. ... Лихой товарищ прокурора был никто иной, как П.Г. Курлов, впоследствии минский губернатор, а потом и

⁸ Осоргин М.М. Воспоминания или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861-1920. М., 2008. С. 310.

⁹ Трубников А.Н. Воспоминания. Орел, 2004. С. 38.

товарищ министра, а Дульсиня – его первая жена, урожденная Вахрамеева»¹⁰. Однако генерал П.Г. Курлов в своих воспоминаниях не нашел места для такого рода сведений. На страницах его мемуаров нет места его родным и близким, даже слово «семья» упоминается всего дважды: 1) в предисловии, когда он говорит о долге «перед моею семьею»; 2) в последнем абзаце мемуаров, когда он прощается с Родиной: «16 августа 1918 года оставил я Россию, с тяжелым чувством, что старой России я больше никогда не увижу и что едва ли мне и моей семье придется когда-нибудь вернуться на родину»¹¹.

В мемуарах чиновников практически не найти описаний событий, связанных с женитьбой. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, гендерными различиями в восприятии этого важнейшего события в жизни человека. Для женщины в рассматриваемый период выход замуж – это своеобразная жизненная революция, связанная с изменениями фамилии (принадлежности к роду), переход в дом или семью мужа, в то время как для мужчины этот этап не нес в себе столь радикальных перемен. Вероятно, поэтому упоминание самого факта женитьбы лишь иногда можно встретить у мемуаристов и, как правило, без каких-либо подробностей. Так, князь С.Д. Урусов об этом событии сообщает практически в телеграфном стиле: «30 июня (1885 года – Ш.И., Ш.С.) в Церкви Спаса на Песках я был обвенчан с дочерью председателя Московского окружного суда В.Н. Лаврова и в тот же день вечером выехал с женой в Калугу, а оттуда в имение родителей моей жены, отстоявшее от Калуги в 14 верстах»¹².

Воспоминания орловского губернатора А.Н. Трубникова подтверждают, наш тезис о существенной гендерной разнице в восприятии свадьбы. Как видно из его мемуаров, он сильно любил свою рано умершую жену, однако о свадьбе он сообщает мимоходом: «Я, по совету А.И. Деспот-Зеновича, сделал кое-кому визиты, а в ноябре месяце была назначена моя свадьба, а потому я не очень торопился с занятиями по МВД»¹³. И далее упоминания о свадьбе привязаны к другим событиям: «Мы женились 9-го ноября 1880 г., а к 9 ноября 1882 г. У нас было уже два мальчика – Николай и Александр, и между ними была разница 1 год с небольшим. Вскоре после нашей свадьбы наступило «прощенное» воскресенье 1-го марта, и этот день сделался историческим, потому что в этот день был убит государь император Александр II. А дело было так»¹⁴. Последнее упоминание свадьбы, которая, несомненно, была определенной координатой в жизни автора, так же подтверждает логику нашего подхода. Важное семейное торжество в его восприятии отступает на второй план на фоне более масштабного и значимого для автора события – гибели императора. Если о свадьбе он только упоминает, пусть и не однажды, то свое восприятие событий, свои переживания и действия 1 марта 1881 года он описал подробно и обстоятельно¹⁵.

Развивая тезис о гендерном различии в восприятии свадьбы как рубежного события в жизни человека, следует обратить внимание на следующее размышление М.М. Осоргина. «Наступило лето 1886 года, в котором перевернулась вся моя жизнь: я женился и для меня началась совершенно новая пора. Создавая свое новое гнездо, свою новую семью, строил я свою жизнь, собирая лучшее как из своей семьи, так и из семьи моей жены. В начале все то, что было нового у Трубецких, что не соответствовало укладу семьи Осоргинской, казалось мне самым настоящим и хотелось мне все переделать на новый лад; но с течением времени анализ брал верх, и, воздавая должное всему прекрасному семьи моей жены, я все более научился ценить и те сокровища любви и горячности, скромности и отсутствия самомнения, которыми была богата семья Осоргиных»¹⁶. Несомненно, что для автора бракосочетание стало отправной точкой для серьезной творческой работы по формированию такого жизненного уклада своей семьи, который органически сочетал бы самые лучшие и достойные элементы из опыта семьи своих родителей и семьи родителей жены. Однако, создание этого нового уклада, как видно из приведенной цитаты, осуществлял сам М.М. Осоргин.

¹⁰ Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память... С. 268-269.

¹¹ Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 10, 297

¹² Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 153.

¹³ Трубников А.Н. Воспоминания... С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 40-42.

¹⁶ Осоргин М.М. Воспоминания... С. 310.

Таким образом, проанализировав даже небольшое количество мемуаров можно утверждать, что эти источники дают некоторый объем информации, позволяющий получить представление об обычно закрытой стороне частной жизни. Темы первой любви, ухаживания за невестой в той или иной степени находили свое отражение в мемуарной литературе. Подготовка к бракосочетанию, сама свадьба или вовсе не упоминалась, или же авторы об этом говорят как о само собой разумеющихся фактах биографии. Вероятно, в силу гендерных особенностей восприятия этой стороны частной жизни, для мужчин свадебные сюжеты были мало интересными. Следует отметить, что у многих авторов рассказы о первой любви и ухаживании за невестой имеют яркую эмоциональную окраску. Порой создается впечатление, что мемуаристы заново переживали свои юношеские чувства. Эти аспекты могут стать отправной точкой при проведении историко-психологического исследования частной жизни российского чиновничества рассматриваемого периода.

PRIVATE LIFE OF THE RUSSIAN OFFICIALS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY IN MEMOIR LITERATURE: FIRST LOVE AND COURTSHIP OF BRIDE

I.T. SHATOKHIN¹
S.B. SHATOKHINA²

*Belgorod National
Research University*

¹ e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru

² e-mail: Shatohina@bsu.edu.ru

The authors consider peculiarities of covering private and intimate life in memoirs, in particular first love and courtship of bride in officials` life in the second half of XIX – early XX century, as well as a man`s view of wedding and change of his marital status at that time.

Keywords: private life, officialdom, memoirs, gender, bride, wedding.